

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	
ЦАРСТВО ТЬМЫ	9
ГЛАВА 1	
НОВОЕ НАЧАЛО	
Декарт	16
ГЛАВА 2	
МАЛМСБЕРИЙСКОЕ ЧУДОВИЩЕ	
Гоббс	65
ГЛАВА 3	
ДУНОВЕНИЕ БУДУЩЕГО	
Спиноза	134
ГЛАВА 4	
ФИЛОСОФИЯ ДЛЯ БРИТАНЦЕВ	
Локк	174
ГЛАВА 5	
ИНТЕРЛЮДИЯ С КОМЕТОЙ	
Бейль	234

ГЛАВА 6	
НАИЛУЧШИЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ КОМПРОМИССОВ	
Лейбниц	244
ГЛАВА 7	
ТРАКТАТ О ЖИВОТНОЙ ПРИРОДЕ	
Юм	291
ГЛАВА 8	
ЧТО ЖЕ ДАЛО НАМ ПРОСВЕЩЕНИЕ?	
Вольтер, Руссо и философы XVIII столетия	343
СПИСОК УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	361
ПРЕДЛОЖЕНИЯ ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ.....	363
ПРИМЕЧАНИЯ.....	364
БЛАГОДАРНОСТИ.....	406
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ.....	407

ВВЕДЕНИЕ

ЦАРСТВО ТЬМЫ

Западной философии сейчас больше 2500 лет, но основные ее достижения приходятся на две яркие вспышки длиной около 150 лет каждая. Первая была в Афинах Сократа, Платона и Аристотеля, с середины V в. до н. э. до конца IV в. до н. э. Вторая произошла в Северной Европе, вслед за религиозными войнами и подъемом Галилеевой науки. Этот период простирается с 1630-х гг. до кануна Великой французской революции в конце XVIII столетия. За относительно короткое время Декарт, Гоббс, Спиноза, Локк, Лейбниц, Юм, Руссо и Вольтер — то есть большинство самых известных представителей философии нового времени — оставили свой след в истории. Все они были любителями: ни один из них не имел никакого отношения к университетскому образованию. Они исследовали значение новой науки и религиозных потрясений, что заставило их отвергнуть многие традиционные учения и воззрения. Что нам даст развитие науки для понимания самих себя и для наших представлений о Боге? Что делать правительству с религиозным многообразием? Для чего, собственно, нужно правительство? Этими вопросами мы задаемся и сегодня, продолжая наш диалог и споры с Декартом, Гоббсом и другими.

Этим философам и сегодня есть что сказать нам, именно поэтому так легко истолковать их неверно. Ведь заманчиво

думать, будто они говорят на одном языке с нами и живут в нашем мире. Но, чтобы понять их правильно, нам следует постараться пройти по их стопам. Такая попытка и принята в этой книге.

Семена Просвещения XVIII в. были посеяны в XVII в., когда некоторые люди предположили, что история пошла не тем путем. Не Платон и Аристотель были теми древними, кто достоин почитания, а, скорее, мы сами. Первым выразил эту мысль, по-видимому, Фрэнсис Бэкон (1561–1626). Однако лучше всех сформулировал ее, вероятно, один из его последователей — Блез Паскаль (1623–1662), который в своих сочинениях опроверг утверждение древних, что природа не терпит пустоты:

Тех, кого мы называем «древними», справедливее было бы называть «новыми», ибо представляют они, собственно говоря, детство человечества. А поскольку мы присовокупили к их познаниям опыт прошедших веков, то, скорее, в нас самих следует усматривать почитаемую нами в других древность¹.

Кроме того, Паскаль отмечал, что если бы древние греки выказывали такое же почтение своим предшественникам, какое впоследствии наблюдалось по отношению к грекам, то никогда бы не достигли того, что так восхищает в них нас.

Бэкон успешно пропагандировал новую идею, что все старые идеи следует подвергать сомнению. Мы должны изучать действительность, настаивал он, а не тратить свои дни, роясь в пыльных книгах. Так мы сможем раскрыть тайны природы, которые можно использовать во благо человечества. Отстаивая тщательные и систематические наблюдения, Бэкон стал своеобразным символом основанного

в 1660 г. Лондонского королевского общества, одного из первых европейских клубов научных исследователей. Сто лет спустя в «Энциклопедии» французских просветителей Бэкон был объявлен героем новой зари человечества, хотя те же французские почитатели признавали, что его научные идеи сами по себе могут оказаться ошибочными. Бэкон упускал из виду, неправильно понимал или не вникал в суть того, что мы сейчас рассматриваем как наиболее значимые научные достижения того времени. Он почти не находил времени для Галилея или Кеплера в силу их докучливой математичности и не особенно интересовался Коперником, чья астрономия, как он говорил, «с нашей точки зрения совершенно неверна»². Тем не менее если Бэкон к чему и стремился, так это, по его словам, «звонить в колокол, дабы собрать разные умы вместе»³, и в этом он преуспел. Бэкон порицал «род научных занятий, лишенный здравого смысла и саморазлагающийся»⁴, и его критика звучала справедливо для проницательных умов наступающей новой эпохи:

...у многих схоластов, располагающих большим количеством свободного времени, наделенных острым умом, но очень мало читавших... образование было ограничено сочинениями небольшого числа авторов, главным образом Аристотеля, их повелителя, а сами они всю жизнь проводили в монастырских кельях... Почти ничего не зная в области естественной и гражданской истории, они из небольшого количества материи, но с помощью величайшей активности духа, служившего им своего рода ткацким челноком, соткали свою знаменитую, требовавшую колоссального труда ткань, которую мы находим в их книгах... Ткань науки, удивительную по тонкости

нити и громадности затраченного труда, но ткань эта абсолютно ненужная и бесполезная⁵.

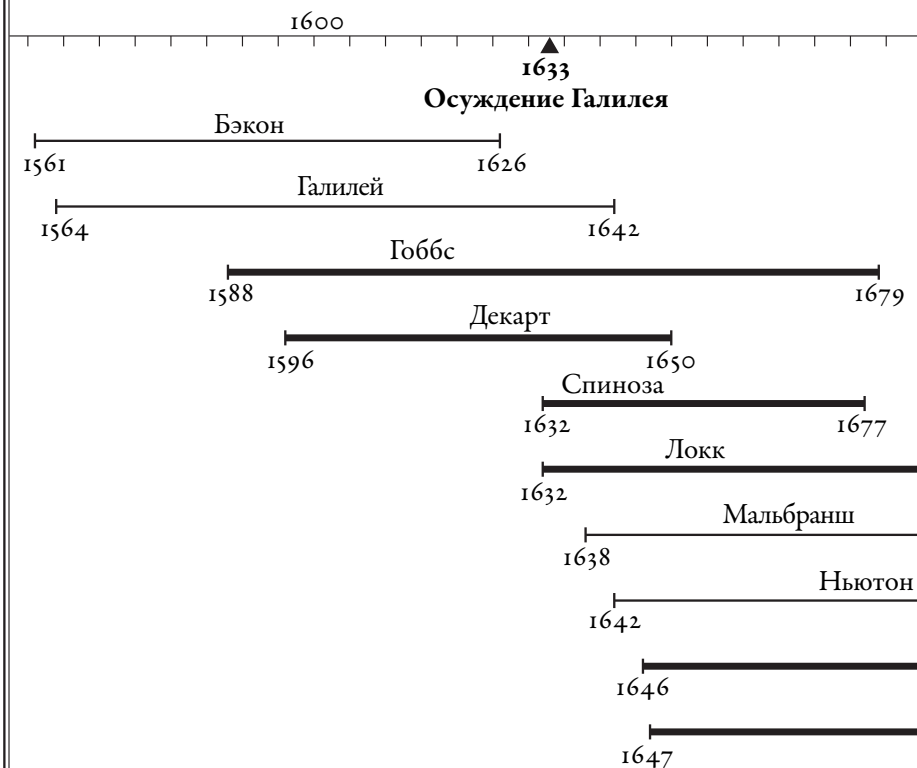
Для Томаса Гоббса (1588–1679), бывшего некоторое время помощником Бэкона, средневековый стиль философии, все еще имевший чрезмерное влияние в университетах, был частью «Царства Тьмы». По-прежнему процветали в этом метафорическом царстве суеверие и нетерпимость. И теперь стояла задача вырваться из него.

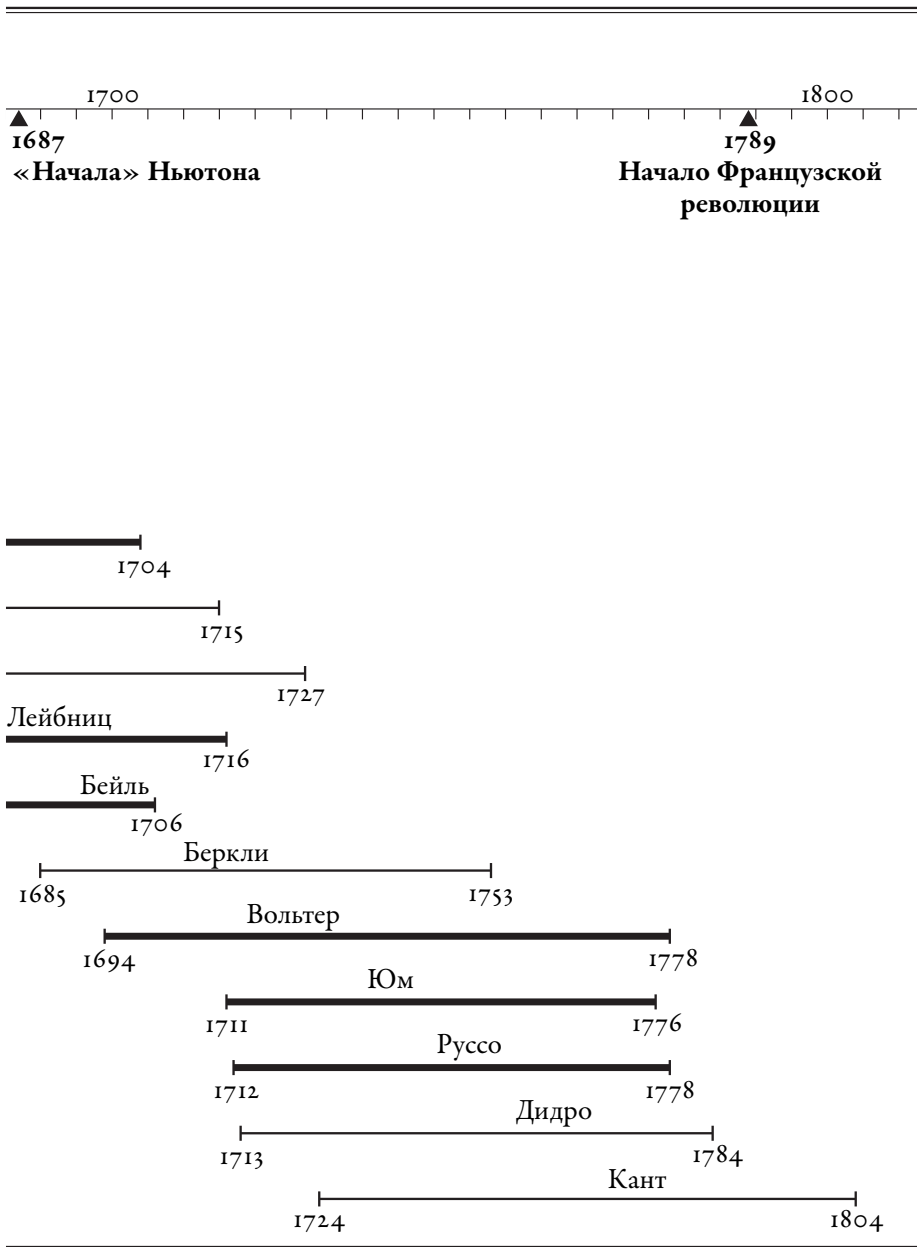
Как получилось, что некоторые люди XVII столетия были готовы с подозрением коситься на древних, на авторитет Церкви и на средневековые науку с философией, обсуждается в работе «The Dream of Reason: A History of Philosophy from the Greeks to the Renaissance» («Мечта о разуме: история философии от древних греков до Возрождения»), настоящая книга является ее продолжением. Обновленное издание «The Dream of Reason» публикуется одновременно с этой книгой. В будущем томе мы снова примемся за историю философии, начиная с Иммануила Канта, чья самая влиятельная работа была опубликована в 1781 г., спустя три года после смерти Вольтера и Руссо. С ним началась новая эпоха в этой области знаний.

Любые книги по истории философии не исчерпывающи — некоторые предложения дополнительной литературы о XVII и XVIII столетиях можно найти в конце настоящей книги.

Некоторые мыслители XVII и XVIII веков

— Главные персоналии глав

ГЛАВА 1 НОВОЕ НАЧАЛО

Декарт

Декарт (1596–1650) был весьма сведущ в науках, но нам он более известен стремлением к сомнению, нежели достигнутыми знаниями. «Как могу я быть уверен, что не сплю?» — спрашивал он. «Как могу я быть уверен, что какой-нибудь лукавый демон не дурачит меня?» Изречение Фрэнсиса Бэкона гласит, что, «если кто-нибудь отправляется от установленных положений, он приходит под конец к сомнению, если же начинает с сомнений и терпеливо справляется с ними, через какое-то время приходит к правильному выводу»¹. В духе этого высказывания Декарт приглашал читателей разделить с ним холодную ванну скептицизма, которую сам он находил необыкновенно бодрящей:

Но так как в это время я желал заняться исключительно изысканием истины, то считал, что должен... отбросить как безусловно ложное все, в чем мог вообразить малейший повод к сомнению... Таким образом, так как чувства нас иногда обманывают, я допустил, что нет ни одной вещи, которая была бы такова, какой она нам представляется; и поскольку есть люди, которые ошибаются... то я, считая

и себя способным ошибаться не менее других, отбросил как ложные все доводы, которые прежде принимал за доказательства. Наконец, принимая во внимание, что любое представление, которое мы имеем в бодрствующем состоянии, может явиться нам и во сне, не будучи действительностью, я решился представить себе, что все, когда-либо приходившее мне на ум, не более истинно, чем видения моих снов².

Однако вскоре Декарт нашел то, что не могло быть иллюзией, — то, в чем он мог не сомневаться, независимо от того, спал или бодрствовал. Он открыл свое первое неоспоримое положение:

Я тотчас обратил внимание на то, что в то самое время, когда я склонялся к мысли об иллюзорности всего на свете, было необходимо, чтобы я сам, таким образом рассуждающий, действительно существовал. И заметив, что истина: *я мыслю, следовательно, я существую*, так тверда и верна, что самые сумасбродные предположения скептиков не могут ее поколебать, я заключил, что могу без опасений принять ее за первый принцип искомой мною философии³.

Слова «Я мыслю, следовательно, я существую» — *Ego cogito, ergo sum*, написанные Декартом на латыни, стали самым известным изречением в философии и представляют собой несколько необычный первый принцип. Он выглядит вполне очевидным, но все же слишком простым, чтобы служить чему-либо основанием. Много ли ценных познаний можно из него извлечь? Как мы убедимся, путь Декарта от его собственного существования до всеобъемлющей новой системы знаний был извилист, и часто его

понимали неправильно. Однако Декарт был убежден, что слова «Я мыслю, следовательно, я существую» помогли ему найти верную отправную точку.

Он также был убежден, что способен справиться с работой, поскольку великого скептика никогда не терзали сомнения в собственной значимости. Принципы, к которым он пришел, не только «так убедительны и ясны, что любой, кто верно их понимает, не будет иметь причин их оспаривать»⁴, но и, как верил Декарт, достаточно полны, дабы дать удовлетворительные ответы на все вопросы науки. Грандиозные амбиции Декарта распространялись даже на «систему медицины, основанную на неоспоримых доказательствах»⁵. Однажды он сказал: «Сохранение здоровья всегда было “основной целью моих исследований”»⁶ — философ был уверен, что вот-вот откроет способ продления человеческой жизни. Вероятно, Декарт полагал, что если бы на этой земле ему было отпущено достаточно времени да если бы некие искусные мастера изготовили необходимое ему оборудование, то он смог бы разрешить задачи науки сам:

И тем не менее я осмеливаюсь сказать, что я не только нашел средство в короткое время удовлетворительно решить главные трудности, обычно трактуемые в философии [которая для Декарта включала и то, что мы называем наукой], но открыл также некоторые законы, которые Бог так установил в природе и понятия о которых так вложил в наши души, что мы после некоторого размышления не можем сомневаться в том, что законы эти точно соблюдаются во всем, что есть и происходит в мире⁷.

Аристотель никогда не изъяслял подобной уверенности в себе. Вероятно, такой самонадеянности способствовали

века христианской веры. В конце концов, если можно столь однозначно формулировать истину в религиозных вопросах, почему же истина о природе должна вызывать особые проблемы? Знакомство с новой наукой Галилея (1564–1642) подпитывало оптимизм Декарта. «Механистическая философия» казалась огромным скачком вперед после столетий застоя. Конечно же, истина была прямо за углом! Схожее чувство радостного возбуждения испытывали и в наше время некоторые физики, ожидавшие, что новейшие открытия выльются в «окончательную теорию»⁸, которая буквально объяснит все. В 1980 г. выдающийся космолог Стивен Хокинг писал, что это может произойти в ближайшие 20 лет⁹. Это утверждение оказалось преждевременным, как и прочие подобные заявления, регулярно повторявшиеся начиная с конца XIX столетия. В 1894 г. Альберт Майкельсон, первый американский лауреат Нобелевской премии в области науки, заявил, что все основные физические законы и факты уже открыты¹⁰. В 1928 г. Макс Борн, еще один лауреат Нобелевской премии, утверждал, что вся физика будет исчерпана в течение полугода¹¹. Сейчас мы понимаем, что у Декарта было гораздо меньше оснований для таких надежд, чем у современных физиков. Но вряд ли можно ставить ему в вину то, что он этого не осознавал. К тому же у Декарта были особые причины для уверенности в своих идеях. Они неведимыми преодолели долину глубочайших сомнений и первыми подверглись суровой проверке. Как в таком случае они могли быть неверны?

Декарт имел право авторитетно говорить о новой науке, поскольку был одним из ее отцов-основателей. Современная прикладная математика по большей части основана на его открытиях, а именно на аналитической геометрии,

использующей алгебру для решения практических задач о пространстве и движении. Он сделал больше, чем кто-либо из его современников, чтобы продемонстрировать, как математика может служить самым разным наукам. Галилей и Кеплер считаются пионерами в этом отношении, но их попытки были эпизодическими. Работа же Декарта имела всесторонний характер. Он трудился над созданием общей картины природы, столь же всеобъемлющей, как аристотелевская, но построенной на не имевшем отношения к Аристотелю «механистическом» принципе, согласно которому физические явления объяснялись с точки зрения связи движущихся тел с движениями и формой их частей. Декарт выдвинул теории, которые какое-то время всерьез соперничали с идеями Исаака Ньютона (1642–1727) и вдохновили некоторые предположения последнего. Через несколько лет после смерти Ньютона Вольтер (1694–1778) писал: «Я не считаю возможным, чтобы действительно кто-то осмелился свести на нет его (Декарта) философию в сравнении с философией Ньютона; первая — это опыт, вторая — шедевр». Тем не менее, продолжал Вольтер, «тот, кто направил нас по пути истины, быть может, вполне равен тому, кто после него завершил этот путь»¹².

Большинство научных трудов Декарта, за исключением его математических работ, было забыто, что отчасти объясняет, почему он вошел в историю как абстрактный мыслитель, а не как ученый. При этом остается незамеченным факт, что свою жизнь Декарт провел в основном не в раздумьях о том, что сам называл «первой философией», или «метафизикой», — о природе души, пределах познания и существовании Бога, а, скорее, занимаясь экспериментами, анатомическим препарированием, наблюдениями и измерениями. Вопреки нынешней репутации Декарта, сам

он, похоже, меньше интересовался метафизикой, чем применением алгебры к геометрии и копошением во внутренностях коров. Когда он жил в Амстердаме около 1630 г., он ежедневно посещал мясную лавку, чтобы раздобыть туши для препарирования. Его объяснение радуги стало вехой в экспериментальной науке, и оно было почти верным. Декарт независимо открыл и первым опубликовал закон преломления лучей света, известный в англоязычных странах как закон Снеллиуса и объясняющий, почему прямая палка, частично опущенная в воду, выглядит сломанной. Декарт также проводил исследования в области физиологии, медицины, метеорологии, геологии и стремился проникнуть во все другие нераскрытые тайны природы, которые обещала разрешить «механистическая философия». Декарт был первым, кто детально продемонстрировал, что функционирование человеческого тела можно уподобить работе машины. Размышляя над открытием кровообращения, сделанным Уильямом Гарвеем, он развил некоторые его идеи в полноценную механистическую физиологию. В то же время, однако, Декарт допустил и ошибочную критику Гарвея и неправильно описал функцию сердца.

Декарт был так очарован машинами и разнообразными хитроумными изобретениями, что, согласно широко распространенному слуху, его повсюду сопровождала движущаяся, натуральной величины, кукла, практически неотличимая от его незаконной дочери Франсин. Эта выдумка, подразумевающая дьявольский ум и граничащее с непристойностью безумие, распространилась во второй половине XVIII в., когда крайние версии материализма и даже атеизма защищались некоторыми радикалами во Франции. К тому времени считалось, что подобные ужасные всходы принесли именно семена Декартовой механистической

науки и рационалистического мировоззрения, хотя сам Декарт отрекся бы от подобных плодов. Он не утверждал, что люди являются машинами, как это позднее делали другие, машинами он называл человеческие тела. И его, вероятно, не затронули какие-либо сомнения в догматах католической церкви.

Рене Декарт родился в состоятельной буржуазной семье 31 марта 1596 г. в деревеньке, тогда называвшейся Ла-Э, в долине Луары. Всегда бывший скрытным — его кредо было *Bene vixit, bene qui latuit* («Хорошо прожил тот, кто прожил незаметно»), — он не разрешал публиковать дату своего рождения при жизни, опасаясь, что кто-нибудь может вычислить его гороскоп. Жоаким Декарт надеялся, что его сын пойдет по отцовским стопам — в мир юридической практики и провинциального чиновничества — и удачно женится. На деле Рене расстроил династические амбиции своего отца, хотя его старший брат Пьер принял удар на себя, и в 1668 г. семья получила низший дворянский чин. Рене унаследовал несколько ферм от семьи своей матери и впоследствии продал их, чтобы поддерживать образ жизни ученого мужа. Отец философа говорил, что он — единственный разочаровавший его сын, поскольку вечно ухитряется «попасть в самый неожиданный переплет»¹³.

Мать Декарта умерла, когда ему было 14 месяцев, и отец доверил воспитание сына родственникам. В возрасте десяти лет Рене отправили в недавно основанный иезуитский колледж в Ла-Флеш. В 1614 г. он оставил колледж ради изучения права в Пуатье. Через два года Декарт завершил обучение и возвратился к семье. Чем он занимал себя, неизвестно,

но в 1618 г. он начал свои путешествия, желая, как позже говорил сам, «быть более зрителем, чем действующим лицом, во всех разыгравшихся передо мною комедиях»¹⁴. Записавшись добровольцем (то есть без жалованья) в армию принца Морица Оранского, располагавшуюся у Бреды, на перекрестке дорог между севером и югом Нидерландов, он изрядно скучал, развлекая себя рисованием, военной архитектурой и изучением фламандского. Благодаря случайной встрече на одной из улиц Бреды начала складываться научная карьера Декарта.

Итак, 10 ноября 1618 г. Декарт пытался прочесть на доске объявлений математическую головоломку на фламандском языке и попросил прохожего, Исаака Бекмана, перевести написанное на латынь. Будучи старше Декарта на семь лет, Бекман только что получил степень по медицине, а на жизнь зарабатывал инженерным делом и свечным ремеслом. Он интересовался приложением математики к механике, объяснением закономерностей физических явлений с точки зрения свойств их составных частей — это был распространенный подход к науке в Нидерландах конца XVI в. Между двумя мужчинами завязалась крепкая дружба, и Декарт, в сущности, стал учеником Бекмана, используя свои математические способности (явно превосходившие способности Бекмана) для решения задач, поставленных учителем. Способствовал ли Бекман тому, что, как утверждал Декарт, на него в возрасте 23 лет, через год после первой встречи с Бекманом, снизошло откровение, неясно. Случилось это так: отходя ко сну после дневных размышлений, Декарт открыл «основы удивительной науки»¹⁵, после чего его посетила череда ярких сновидений, изменивших, как он утверждал, его жизнь. Возможно, что в действительности это было нервное истощение, а не интеллектуальный прорыв, каким

его позже изобразил Декарт. В любом случае в течение нескольких лет он, кажется, встал на путь познания, сосредоточившись на естественных науках и математике.

Декарт понимал трудности, с которыми столкнется как новатор. Он справедливо опасался, особенно услышав о том, как инквизиция обошлась с Галилеем, что церкви и учебным заведениям некоторые его научные труды могут показаться неприемлемыми. Галилея порицали в том числе за повторение главной «ошибки» Коперника, а именно за гелиоцентризм. Церковь по-прежнему настаивала, что Солнце вращается вокруг Земли и никак иначе. В конце концов, как сказано в Псалмах, землю нельзя поколебать¹⁶; в Книге Бытия говорится, что Земля была сотворена прежде Солнца¹⁷; а Иисус Навин велел Солнцу и Луне стоять, пока дети израилены сражаются с аморитянами¹⁸, чего он не стал бы делать, если бы Солнце и без того было неподвижно. Декарт знал, что Земля движется. Он писал своему старому другу Марену Мерсенну: «...если учение это ложно, то ложны и все основоположения моей философии»¹⁹. В 1633 г., когда вести об обвинении Галилея достигли Декарта, он отменил готовившуюся публикацию своего первого главного научного трактата «Мир». Несмотря на то что ему вряд ли что-то могло грозить в протестантской части Нидерландов, где он тогда жил, или во Франции, где не было инквизиции, а Галилею сочувствовали, Декарт делал все возможное, чтобы избежать ссоры с церковью. В создавшейся ситуации его научные исследования в известной мере подошли к концу.

Один из уроков суда над Галилеем заключался в том, что религия и наука не могут игнорировать друг друга. Если работу Декарта надлежало воспринимать так, будто он новый Аристотель, чего тот, несомненно, хотел, тогда ему следовало найти способ умиротворить богобоязненных людей.

Ничего Декарт не желал более, чем чтобы его научные труды использовались в качестве учебных пособий в таких заведениях, как иезуитский колледж в Ла-Флеше. В этом одна из главных причин, почему Декарт решил представить свои работы в контексте более широкой философской системы. Если бы он смог продемонстрировать не только то, что его наука основана на неопровержимых принципах, но также и то, что с ее помощью он сможет утвердить религиозные истины в обновленном и улучшенном виде, тогда Декарту было бы нечего опасаться. Именно это он попытался сделать в 1637 г., когда опубликовал в одном томе четыре короткие книги: три научных очерка и предваряющее их «Рассуждение о методе». Очерки должны были показать, чего можно достичь с помощью его подхода к науке. С гордостью писал Декарт другу: «Сравни выводы, к которым я пришел... о зрении, соли, ветрах, облаках, снеге, громе, радуге... с теми, к которым пришли другие»²⁰. Вводное «Рассуждение» должно было показать, помимо прочего, как могли бы обогатить друг друга религия и наука, если бы шли рука об руку.

В научных сочинениях, которые Декарт решил опубликовать в этой подборке, он старательно обходил любые скользкие темы. В нее вошли его новаторская «Геометрия», трактат «Метеоры» и «Диоптрика», где преимущественно описывалось, какая форма линз улучшит результативность работы недавно изобретенного телескопа. «Рассуждение» включало также краткое изложение его общей физики, тщательно избегавшее всего, что могло бы привести к непониманию или оскорблению чувств, вроде коперниканской теории солнечной системы или идеи об уподоблении человеческих тел машинам. Но основная идея «Рассуждения» излагается в форме интеллектуальной автобиографии. Она начинается с опыта сомнений, в чем только возможно,

и приходит к рассказу о совершенном Декартом открытии следующих предполагаемых истин.

Поскольку я, то есть Декарт, могу сомневаться в существовании своего тела, но не могу сомневаться в собственном существовании, из этого следует, что я не то же, что мое тело. Я — это мыслящая душа, не кусок материи, и я знаю об этой душе и ее мыслях больше, чем о любой другой материальной вещи. Поскольку я понимаю, что мое знание одних предметов уступает моим познаниям в других, то я понимаю, что мне не достичь совершенства. Таким образом, эта идея совершенства, с которой я сопоставляю мое несовершенное состояние, примечательна, говорит Декарт. Как я пришел к ней? Я не мог прийти к ней сам, и заронить эту мысль во мне на самом деле мог лишь тот, кто сам совершенен, то есть Бог. Следовательно, Бог существует (так утверждает Декарт; а также приводит второе и столь же неубедительное доказательство существования Бога).

Что я несомненно знаю о Боге, продолжает Декарт, так это то, что он не мошенник, поскольку лживость — изъян, а Бог совершенен. Из этого следует, что Бог меня не обманет и не позволит мне быть обманутым, покуда я прилагаю все свои усилия к познанию истины. Поэтому я могу быть уверен, что не зайду слишком далеко в моих попытках познать мир, при условии, что в этих усилиях я осторожен. Вооруженный сей гарантией доброй воли Бога, я могу теперь с полным основанием отказаться от радикальных сомнений, кои я учитывал в начале моих поисков истины. Это значит, что я могу отбросить вероятность полной неосведомленности о физическом мире в силу возможного сна или демонического наваждения.

Таким образом, «Рассуждение» характеризует самого Декарта. Он пытается быть в высшей степени осторожным

и ответственным, по возможности сомневаясь во всем, прежде чем заявить о каком-либо знании. Очевидно, что при всем своем с виду материалистическом интересе к «механистической» философии Декарт рассматривает свою душу отдельно от тела, а значит, можно ожидать, что она переживет телесную смерть. «Рассуждение» показывает, что Бог существует, — и оно демонстрирует это дважды. Более того, оно доказывает, что познать природу можно, лишь познав Бога. Богословие давало Декарту уверенность в достижимости научного знания. Ведь если бы Декарт не верил в существование милостивого Господа, он бы не мог исключить, что глубоко заблуждается относительно мира. А если это не исключено, тогда едва ли он или кто-то вообще может быть в чем-либо уверен. Поэтому даже тот, чьи главные устремления связаны с наукой, должен признавать богословие первой из дисциплин.

Нет причин сомневаться в искренности этих утверждений. Действительно, «Рассуждение» отчасти написано как упражнение в пропаганде, как рекомендация Декарта и его работ Церкви, но, похоже, это была такая пропаганда, которой сам Декарт полностью верил. Кто-то может задаться вопросом, насколько эти философствования раскрывают основу противоречивых научных идей Декарта. В «Рассуждении» Декарт постоянно ссылается на «метод», который позволил ему получить новые и полезные знания в науке. К сожалению, неясно, какой метод он имеет в виду. В одном месте Декарт перечисляет четыре главных правила, которым, как он говорит, он следовал в своих научных изысканиях; но, как позднее показал немецкий философ Лейбниц (1646–1716), эти правила настолько расплывчаты, что фактически ничего не значат. Первое: «Не принимать за истинное что бы то ни было, прежде чем не признал это

несомненно истинным... включать в свои суждения только то, что представляется моему уму так ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению»²¹. Второе: «Делить каждую из рассматриваемых мною трудностей на столько частей, на сколько потребуется, чтобы лучше их разрешить»²². Третье: «Руководить ходом своих мыслей, начиная с предметов простейших и легко познаваемых, и восходить мало-помалу... к познанию наиболее сложных». Четвертое: «Делать всюду настолько полные перечни и такие общие обзоры, чтобы быть уверенным, что ничего не пропущено»²³. Лейбниц был, безусловно, прав, когда его не впечатлили эти максимы. Если бы мы использовали их, например, для приготовления идеального блюда, мы могли бы прийти к такому, скажем, совету:

Следуй только тому рецепту, который считаешь абсолютно правильным.

Не пытайся делать одновременно множество действий.

Убедись, что совершаешь их в правильном порядке.

Не забудь ничего из ингредиентов.

Если в методе Декарта и было заложено что-то более конкретное, то выразить это ему явно не удалось. Из всей книги, которую он так и не смог закончить, выделяют четыре правила, а в незавершенном виде она содержала не менее 21 наставления о том, как «направлять свой разум». Некоторые из этих правил проливают свет на приемы, которые он использовал в математике, но ни одно из них не описывает отличительных особенностей его работы в целом. Не похоже и на то, что они показывают связь между его стилем в науке и более общей философией. Где-то в «Рассуждении», однако, есть некоторые подсказки относительно связи между

верой Декарта в «механистическую философию» и его размышлениями о Боге, душе и пределах уверенности. Декарт утверждал, что есть фундаментальная ошибка, поражающая мышление людей: «Они никогда не поднимаются выше того, что может быть познано чувствами»²⁴. В этом и состоит особенность метода Декарта, если его можно так назвать. Именно решимость избегать того, в чем Декарт видел ограничения чувственного познания, направляла все рассуждения философа, включая размышления о физике. Как это выглядело на практике, становится яснее из другого его труда, опубликованного в 1641 г.

Я пишу лишь для тех, кто желает и может предаться вместе со мной серьезному размышлению и освободить свой ум не только от соучастия чувств, но и от всякого рода предрассудков²⁵.

Так писал Декарт в «Размышлениях», представляющих собой дневник шести дней созерцания. На случай если собравшиеся поразмышлять вместе с Декартом обнаружат тем не менее, что не могут согласиться с ним, он привел большое количество комментариев и возражений, которые Декарт и его друг Мерсенн собрали при работе над черновиком, сопроводив их ответами Декарта. Комментарии были: от французского иезуита; голландского католического теолога; Томаса Гоббса; самого Мерсенна; Пьера Гассенди, философа-математика, находившегося под влиянием античного скептицизма и атоцизма Эпикура; Антуана Арно, который стал самым выдающимся философом-теологом во Франции, и множества других, в том

числе неизвестных авторов. Приложение с энергичными дебатами было в семь раз длиннее самих «Размышлений». Дебаты о дебатах еще обширнее: «Размышления» оказались самой обсуждаемой философской работой раннего Нового времени.

И тем не менее ее основные идеи удивительно архаичны. Говоря конкретнее, их можно назвать платоновскими. Декарт призывает своих читателей обратить внимание прежде всего «на вещи умопостигаемые, отделенные от чего бы то ни было материального»²⁶, что, без сомнения, является отсылкой к Платону и его главным советам честолюбивому философу-правителю. Как верный последователь Платона, Декарт неизменно настаивает на том, что мы должны отвернуться от мира чувств и заглянуть в наш собственный разум в поисках истины. Однако глубокие сомнения, которыми Декарт предваряет свои рассуждения, полезны не только потому, что могут оградить нас от ошибочных предрассудков, но и потому, что они предоставляют «легчайший путь к отчуждению ума от чувств»²⁷. Многие древние платоники искали подобный путь, и один из них, а именно Святой Августин, шел, в сущности, той же тропой, что и Декарт.

В своей «Исповеди», опубликованной в конце IV в., Августин исследовал содержимое своего сознания, чтобы понять, можно ли в чем-то быть абсолютно уверенным. Он заметил: все, что он знает, может быть лишь сном, но в чем он точно не может усомниться, так это в собственном существовании: «Если я обманываюсь, значит, существую!» Самонаблюдение выявило и другие несомненные факты, не имеющие никакого отношения к чувствам, и Августин настаивал, что эти зерна знания указывают на существование Бога, заронившего их в наш разум. По крайней мере, в шести своих книгах Августин ссылаясь на известное

в наши дни утверждение, что невозможно ошибаться в отношении собственного существования.

Декарту неприятно было узнать, что его самая известная идея оказалась отнюдь не оригинальной. Гордец, беспочвенно обвинявший своих прежних сотоварищей в краже его идей, он был поразительно жесток к тем своим современникам, в которых видел соперников. Он отвергал, например, труды великого математика Пьера Ферма, называя их «дерьмом»²⁸. Признавая первенство Августина, сделавшего вывод о собственном существовании исходя из того, что он мыслит, Декарт тут же добавлял: это заключение настолько очевидно, что «могло прийти в голову любому писателю»²⁹. (На самом деле, кажется, это приходило в голову некоторым мыслителям как минимум за два века до Августина.) Главная новизна, настаивал Декарт, заключается в том, что он — и только он — объяснил природу души: «Я... показал, что это размышляющее Я есть нематериальная субстанция без каких-либо телесных признаков»³⁰.

Как мы можем узнать из «Рассуждения» Декарта, причины его веры в нематериальность души или субъекта состояли в следующем. Я не могу усомниться в своем существовании, но могу сомневаться в существовании моего тела. Следовательно, я есть нечто отличное от своего тела. К сожалению, несмотря на притязания Декарта на новизну, Августин и здесь оказался первым и рассуждал схожим образом: «Ум... уверен в отношении себя, как убедительно показывает то, что было сказано выше. Однако же ум совсем не уверен в отношении того, является ли он воздухом, или огнем, или каким-то телом, или же телесным. Следовательно, он не есть что-либо из этого»³¹.

И все же дух идей Декарта отличался от такового у Августина, пусть даже буква порой была та же. Размышления Августина были пассивным принятием божественной истины: он раздумывал над тем, как ум озаряется божественным светом и как поэтому он мудро снабжен знаниями, в которых человек нуждается. Декарт же, с другой стороны, стремился активно использовать природную силу человеческого разума не только для того, чтобы доказывать старые истины, но и открывать новые. Хотя Декарт и настаивал, что все знания идут от Бога — поскольку именно существование милостивого Господа гарантирует правильность наших основных убеждений, — по его мнению, это не означало, что надо слепо уповать на Всевышнего. Прежде всего мы должны точно определить, какие из наших убеждений входят в божественный страховой полис. Таким образом, если Августин раздумывал о том, как много сделал для нас Бог, то Декарт всячески стремился показать, как много интеллектуальной работы мы можем и должны проделать сами. В результате изыскания Декарта обычно глубже и сложнее, чем у Августина.

Дневниковые записи «Размышлений» Декарта петляют взад-вперед, когда он рассказывает историю своих открытий, поднимая вопросы, а затем оставляя их до той поры, пока снова не нащупает нить повествования. Подобная тщательно продуманная непринужденность делает сочинение увлекательным, но она же способна помешать понять, как Декарту удастся перейти от собственного существования к таким большим вопросам, как реальность предметов вне его самого и истина «механистической философии».

В начале XIX столетия Гегель оказал медвежью услугу изречению «Я мыслю, следовательно, существую»³². Фраза, вырванная из контекста, должна была иллюстрировать, как

Декарт выдвинул на первый план субъективный взгляд на мир, в котором «Я» — основа всего. Подобное прочтение Декарта широко распространено, особенно в католических кругах. Например, в 1994 г. папа Иоанн Павел II написал, что для Декарта «смысл имеет лишь то, что соответствует человеческой мысли. Важна не столько объективная истинность мысли, сколько сам факт: что-то возникает в человеческом сознании»³³. В более поздней своей работе Иоанн Павел II пишет, что философская революция, начатая Декартом, низвергла Бога и на его место воздвигла человеческий разум: «Согласно логике *Cogito, ergo sum*, Бог мог быть только содержанием человеческого сознания»³⁴. Другими словами, Декарт начал переход к такому взгляду на мир, в котором «Я» — основа всего, и к нормам чудовищного эгоизма.

Декарт часто терял терпение, сталкиваясь с критикой в свой адрес. Только представьте, что он сказал бы об этом в приватной обстановке папе, ведь он раз за разом объяснял, что его собственное существование (как и мира) зависит от Бога и никак иначе. Те, кто подозревают Декарта в оголтелом субъективизме, путают стиль его изложения с сутью его идей. Он описывал свои философские построения в автобиографическом стиле и всматривался в себя. Но ничего субъективного в том, что он открыл, не было:

А поскольку я замечаю, что сомневаюсь, не являюсь ли я вещью зависимой и несовершенной, постольку мне приходит в голову ясная и отчетливая идея независимого и совершенного бытия, т. е. Бога; и уже из одного того, что у меня появилась такая идея, или, иначе говоря, из того, что я существую, обладая такой идеей, я со всей очевидностью делаю заключение: Бог существует и от него

в каждый момент зависит мое существование... И вот уже, как мне кажется, я усматриваю некий путь, следуя которому можно, исходя из этого созерцания истинного Бога, в коем скрыты все сокровища мудрости и наук, прийти к познанию всех прочих вещей³⁵.

Хотя Декарт и пишет, что уверенность в собственном существовании есть «первый принцип» его философии, это всего лишь говорит о первом несомненном факте, который он решил для себя принять, а вовсе не о том, что на нем все основывается. На самом деле Декарт ничего не выводит из собственного существования. Напротив, он задается вопросом, можно ли распорядиться этим фактом так, чтобы схожим образом выявить и другие. Секрет этой уверенности в том, что она требует «ясного и отчетливого представления о том, что я утверждаю»³⁶. Важно, что затем Декарт вводит Бога. Удовлетворив себя разными философскими аргументами бытия Божьего, Декарт заключает, что этот Бог, будучи добрым, не позволит своим созданиям всерьез заблуждаться при условии, что они проявят определенную сдержанность и ограничат свои познания только тем, что можно ясно и отчетливо принимать за истину. Таким образом, система знаний Декарта зависит не от его собственного существования, а от существования Бога.

После того как существование Бога было благополучно установлено, Декарту оставалось лишь обнаружить, что именно «интеллект предъявляет как ясное и отчетливое», и оставаться в этих пределах³⁷. Как много интеллект может поведать о материи? Доброта Бога достаточна, чтобы гарантировать существование некоторой физической реальности. Декарт говорит, что он настолько расположен верить в обусловленность чувственного восприятия объектами вне

его, что Бога следовало бы признать крупным обманщиком, если бы это было неправдой. Однако Декарт оговаривается по поводу этих объектов: «...быть может, они существуют не вполне такими, какими воспринимают их мои чувства, поскольку такое чувственное восприятие у многих людей весьма туманно и смутно». Тем не менее «в них [внешних объектах] по крайней мере содержится все то, что я постигаю ясно и отчетливо»³⁸.

Оказалось, что эти свойства «составляют предмет математики». Декарт обнаружил, что он ясно представляет себе измеримые параметры пространства, геометрические формы, протяженность и движение, но «все же остальное — свет, цвета, звуки, запахи, вкусовые ощущения, степень тепла и холода и прочие осязаемые качества мыслятся мной лишь весьма туманно и смутно»³⁹. Декарт видел — или так считал, — что «сила тяжести, твердость, степень нагрева, притяжение, способность к очищению и другие качества, познаваемые нами на опыте в нашем теле, состоят в одном лишь движении или его отсутствии, а также во взаимном расположении и конфигурации частей»⁴⁰.

Таким образом, оказывается, что в некотором роде в божественный медицинский полис входят те физические факты, которые характеризуют «механистическую философию». Божественная гарантия защиты от обмана распространяется только на те наши идеи, которые мы можем сформулировать ясно и отчетливо. В случае с материальными объектами это относится, согласно Декарту, только к понятиям так называемых первичных качеств, таких как форма, размер, место и состояние движения, которые Галилей и греческие атомисты считали ключевыми объективными качествами природы. Поэтому Декарт исключил из своей физики все сомнительные и субъективные

«вторичные» качества, такие как цвет, представляющие собой порождение чувств и поэтому, по убеждению Декарта, не подлежащие математической трактовке. Тот факт, что, подобно механике, физика Декарта в целом фокусировалась на «формах и размерах и движении», был «наиболее похвальной ее чертой», как утверждал сам Декарт, поскольку это означало, что она использовала «лишь рассуждения математические и очевидные»⁴¹.

Другим преимуществом механистического подхода к природе, по мнению Декарта, была его практичность: «Все, что я считаю возможным, исходя из принципов моей философии, действительно происходит каждый раз, когда подобающие средства применяются к подобающим вопросам... Эта часть философии... имеет полезные и практические последствия, и потому любая ошибка в ней приводит к финансовым потерям». В версии Декарта идея развести разум и чувства приобрела выраженное антиплатоническое направление. Плотин и другие платоники использовали аргументы против достоверности чувств, чтобы способствовать духовному отречению от материального мира. Но теперь Декарт прибегал к тем же аргументам, показывая людям, как можно делать деньги. Он ставил под сомнение «путанные и неясные» чувственные ощущения, чтобы защитить математически ориентированную физику, которая предположительно, помимо прочего, должна содействовать технологиям и тем самым приносить выгоду.

Исследуя вопрос о том, как можно ясно и четко сформулировать свое понимание материи, Декарт пришел к выводу, что ее сущность состоит в «протяженности», то есть материя должна охватывать три измерения пространства. Действительно, он пришел к мысли, что материя и пространство составляют одно и то же и что различные важные